
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.A. Ananyeva
**On the Civil Content of the Category
of Management**

The issue of the legal nature of management in civil law, its peculiarities and combination with the principle of legal equality of parties is studied. In conclusion, a definition of management in civil law is given and its specific features are revealed.

Key words and word-combinations: management, private management, control action.

Исследуется вопрос о правовой природе управления в гражданском праве, его особенностях и сочетании с принципом юридического равенства сторон. В заключение дается определение управления в гражданском праве, при этом выделяются признаки, отражающие его специфику.

Ключевые слова и словосочетания: управление, частноправовое управление, управляющее воздействие.

УДК 347
ББК 67.404

А.А. Ананьева

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «УПРАВЛЕНИЕ»

Термин «управление», хотя и применяется в гражданском праве (например, оперативное управление, внешнее управление или доверительное управление), более свойственен отраслям публичного права, в первую очередь административного. Однако в настоящее время научно обосновано, что он может применяться и в области гражданско-правового регулирования. К примеру, Ю.С. Харитонов полагает, что «управление в частном праве представляет собой функцию власти в сложных организованных системах любого характера, обеспечивающих сохранение их структур, поддержание режима деятельности, направленного на реализацию этих целей» [1, с. 17]. По мнению М.А. Егоровой, «особенность последнего времени, связанная с тенденцией законодателя к увеличению диспозитивности в частноправовом регулировании, приводит не только к расширению частноправовых институтов, занимающих позиции,

ранее принадлежащие публично-правовому регулированию (например, введение института саморегулируемых организаций), но и, напротив, существенно усиливает возможности внедрения властных инструментов в структуру частноправовых отношений» [2, с. 20].

«Цель управления в частном праве всегда направлена на экономические либо неимущественные выгоды участников гражданского оборота» [1, с. 23]. Часто такие выгоды возникают в результате совершения управленческих действий в отношении имущества. Г.В. Атаманчук утверждает, что «целеполагание в управлении собственностью объективно состоит в приросте собственности, то есть в получении дохода, прибыли, ренты, иначе она сужается как «шагреновая кожа» и теряет свои свойства» [3, с. 57]. Кроме того, при помощи гражданско-правовых средств участники отношений удовлетворяют свой частный интерес через управление деятельностью: например, перевозчик, участвующий в прямой смешанной перевозке, заинтересован в организации взаимодействия с другими перевозчиками и владельцами транспортной инфраструктуры.

Рассмотрим, каким образом могут совершаться управляющие воздействия без нарушения принципов юридического равенства сторон. В первую очередь обратим внимание на целесообразность, по нашему мнению, использования здесь понятия «частноправовое управление», которое может быть отграничено от управления государственного и местного по признаку субъекта управления.

Частноправовое управление характеризуется тем, что субъектами управления, наделенными властными полномочиями, являются частные лица. Н.В. Разуваев, проводя исторический анализ, указывает, что «реализация частноправовой власти осуществляется либо ее обладателем непосредственно, либо субъектами, находящимися в личной зависимости от последнего» [4, с. 23]. По мнению Ю.С. Харитоновой, и на современном этапе «управление в частноправовом смысле вытекает из власти собственника, частного лица, домовладыки, отличной по своей природе от власти государства» [1, с. 15]. Она полагает также, что именно «в сохранении имущества и максимально эффективном его использовании и состоит реализация функции управления в частном праве» [1, с. 15–16]. Власть, господство над имуществом в гражданском праве рассматривается как некое полномочие. Управляющий имуществом наделяется данным полномочием (но не правомочием) собственником: «Основой управления как процесса упорядоченного воздействия субъекта на объект управления является полномочие» [1, с. 112]. Оно может вытекать из власти лица над имуществом, из статуса лица, а также из закона [1, с. 152]. Такая концепция в целом представляется вполне приемлемой.

В настоящее время не вызывает сомнения, что в гражданском праве реализуются функции управления имуществом. Имеется масса примеров, когда законодатель допускает различные формы управления имуществом и имущественными правами. К числу таковых следует отнести ст. 356 Гражданского кодекса РФ «Договор управления залогом», гл. 53 ГК РФ «Доверительное управление имуществом», положения ст. 161 Жилищного кодекса РФ, закрепляющие способы управления собственниками многоквартирным домом (управление собственниками, управление товариществом собственников жилья, управление управляющей организацией); управление имуществом подопечных и опекаемых,

а также безвестно отсутствующих; управление имуществом по завещательному отказу, арбитражное управление, оперативное управление имуществом, управление интеллектуальными правами (ст. 1242—1244 ГК РФ).

Казахские ученые Д. Братусь и С. Туребеков термин «управление» не считают чуждым для цивилистики, называя его системообразующим для права. По их мнению, он наделяется тем или иным смыслом в зависимости от отраслевой принадлежности [5]. Позиция Д. Братуся и С. Туребекова заслуживает внимания в контексте того, что в современной цивилистической науке все актуальнее становятся вопросы категориального и методологического содержания [6]. Авторское исследование также включает рассмотрение концептуальных вопросов применительно к проблемам правовых конструкций и управления в частноправовой сфере [7].

В юридической литературе отражаются попытки ученых обосновать общность гражданско-правовых институтов, предусматривающих возможность управления имуществом. Так, М.Ю. Челышев пишет: «Возьмем правовой институт права хозяйственного ведения и права оперативного управления (институт вещного права) и правовой институт договора доверительного имущества (институт обязательственного права) — суть разные правовые институты. Однако при их пристальном рассмотрении усматривается единая, по существу, цель. Они предназначены для обеспечения эффективного управления соответствующим имуществом» [8, с. 127].

На первый взгляд, в этой же правовой плоскости находится и управление, которое осуществляют операторы путей сообщения (владельцы транспортных инфраструктур) и отчасти операторы подвижного состава. Вместе с тем, как будет показано далее, в качестве объекта управления в гражданском праве часто выступает деятельность, поскольку право оказывает воздействие на поведение участников гражданского оборота. В определении Верховного Суда РФ от 1 октября 2014 г. по делу № 305-КГ14-1681 указывается на то, что ОАО «РЖД» отвечает «за *управление перевозочным процессом* (курсив наш — А.А.) на железнодорожном транспорте общего пользования в пределах инфраструктуры, владельцем которой оно является» [9].

М.А. Егорова отмечает: «Властные (субординационные) отношения на сегодняшний день представляют собой яркую реалию проникновения метода субординации в частноправовые отношения, что должно способствовать интенсификации предпринимательской деятельности» [2, с. 20]. Представляется, что правовая природа управления деятельностью со стороны операторов перевозки также основана на наличии у них властных полномочий. Однако данное утверждение требует объяснить, каким образом возникают эти полномочия. Мы исходим из того, что объем правоспособности управляющего субъекта может изменяться с течением времени, иными словами придерживаемся теории динамической правоспособности. Изменение статуса лица изменяет состав его полномочий в отношении имущества и личности [1, с. 150]. С нашей точки зрения, можно выделить следующие правовые средства, которые по отдельности либо в сочетании позволяют наделить транспортного оператора соответствующими полномочиями: 1) норма права; 2) договор; 3) односторонняя сделка.

Нормы гражданского права могут наделять транспортного оператора влас-

тными полномочиями. Несмотря на то, что гражданскому праву присущ диспозитивный метод правового регулирования, действующее гражданское законодательство свидетельствует о наличии большого количества императивных норм. «Нет такой области отношений, — отмечает И.А. Покровский, говоря о методах правового регулирования, — для которой являлся бы единственно возможным только тот или другой прием; нет такой сферы общественной жизни, которой мы не могли бы себе представить регулируемой как по одному, так и по другому типу» [10, с. 45–46]. В.К. Андреев при исследовании проблемы обеспечения возврата вкладов акцентировал внимание на том, что «одни только гражданско-правовые методы воздействия не могут обеспечить стабильность финансовых отношений» [11, с. 24]. Ю.К. Толстой также высказывается в этом ключе: «...если мы хотим возродить экономику, сориентированную на удовлетворение потребностей человека, то нам не обойтись без сочетания административно-правовых и гражданско-правовых методов регулирования имущественных отношений» [12, с. 181–182]. М.Ю. Чельшев, анализируя аспекты системности в цивилистической области, обращает внимание на то, что межотраслевые связи внутри гражданского права могут опосредоваться в различных публично-правовых элементах в рамках данной отрасли (например, нормы о государственной регистрации) и выражаются также в проявлении повышенной императивности [8, с. 36]. Однако, как отмечает В.В. Васильев, «имплементация императивных норм в правовое регулирование частноправовых отношений не оказывает решающего влияния на их частноправовую природу» [13, с. 92].

Такое положение дел можно объяснить с точки зрения теории конвергенции частного и публичного права. Большой вклад в становление и развитие этой теории внес Н.М. Коршунов. Он писал: «Юридическая сущность конвергенции частного и публичного права характеризует ее как специфическое инструментально-нормативное, догматическое правовое явление, обеспечивающее упорядочение общественных отношений посредством сочетания частноправовых и публично-правовых методов их регулирования» [14, с. 224]. Границы частного и публичного права являются подвижными во времени: то, что вчера относилось к области публичного права, сегодня относится к частноправовой сфере, и наоборот.

Говоря об основаниях проникновения публичного права в частную сферу, Н.М. Коршунов обращал внимание на наличие в гражданском праве ограничений прав их участников. К числу институциональных публично-правовых ограничений прав участников частноправовых отношений он относил ограничение их правосубъектности, свободы договора путем установления обязанности заключения определенного рода условий и другое [14, с. 178]. Данные выводы объясняют природу возникновения властных полномочий транспортного оператора на основании императивных норм гражданского права. Управление деятельностью связано не только с наделением управляющего субъекта соответствующими полномочиями, но и с ограничением возможностей подчиненного лица. Нормативно установленное ограничение полномочий подчиненного лица в интересах субъекта управления создает основу для совершения управленческих действий транспортным оператором. Таким образом, императивные нормы закона могут определять объем правосубъектности транспортного оператора, предоставляя ему возможности управлять деятельностью иных лиц.

Другим источником властных полномочий оператора может служить гражданско-правовой договор, посредством которого управляемые субъекты, исходя из собственных интересов, добровольно подчиняют себя транспортному оператору. Такая ситуация не является чем-то исключительным для гражданского права. Так, применительно к сфере интеллектуальной собственности указывается: «Полномочия на коллективное управление имущественными правами передаются организациям коллективного управления другими субъектами авторского права на основе договоров, заключенных в письменной форме» [15, с. 38]. Как справедливо отмечается в научной литературе, в гражданском праве «подчинение управляющему основано на акте доброй воли управляемого, принимающего команды извне для получения наибольшего эффекта» [1, с. 46]. Заключая гражданско-правовой договор смешанной перевозки, владельцы транспортной инфраструктуры, перевозчики и иные исполнители признают верховенство воли транспортного оператора, исходя из своей собственной выгоды [1, с. 23]. Последняя может заключаться как в возможностях добиться требуемого организационного состояния деятельности, взаимодействия между участниками перевозки, интеграции своей деятельности в перевозочный процесс, так и в получении денежных средств.

В теории управления вывод о том, что подчинение управляющему субъекту может осуществляться на добровольной основе, не является новым. Ч. Бернард — один из основателей теории власти — определял власть как информационную связь (команду), благодаря которой информация воспринимается членами организации как инструмент управления их деятельностью. При этом такая команда должна быть легитимной и необходимой, в связи с чем властью руководителя наделяют люди, которые хотят, чтобы ими управляли [16, с. 486]. Кроме того, «современные исследователи все чаще акцентируют внимание на том, что между управляющими и управляемыми субъектами имеет место взаимодействие» [17, с. 88]. Г.В. Атаманчук пишет: «...управляющее воздействие должно всегда и непременно содержать в себе организационный момент, направлять и практически осуществлять взаимодействие людей» [3, с. 49]. В.Я. Назмутдинов и И.Ф. Яруллин соглашаются со сторонниками позиции, согласно которой под управлением понимается взаимодействие субъектов (А.Т. Абрамов, В.Г. Афанасьев, П.И. Третьяков, Т.К. Чекмарева, Т.И. Шамова, Д.В. Юдин и др.). «Под взаимодействием в философии понимается сложный многообразный процесс, в котором изменение сторон происходит не просто взаимосвязанно, а взаимообусловленно (А.Н. Аверьянов, Н.И. Жбанкова). Его суть состоит в неразрывности прямого и обратного воздействия, органического сочетания изменений воздействующих друг на друга субъектов. Кроме того, взаимодействие — целостная, внутренне дифференцированная, саморазвивающаяся система (А.И. Уемов, Б.М. Кедров и др.). Такое понимание взаимодействия, представляющего суть управления, предполагает взаимное изменение управляющих и управляемых» [18, с. 8]. В.Н. Волкова и А.А. Денисов отмечают, что концепции управления социально-экономическими объектами, опирающиеся на активное начало компонентов системы, «базируются не только на традиционных методах принуждения (в том числе методах принуждения к труду в той или иной форме, методах, оправдывающих эксплуатацию, насилие и т.п. средства), а рекомендуют, ис-

пользуя активность элементов, опираться на целеобразование, организацию процессов коллективного формирования целей — побуждений к действию, способствующих повышению эффективности деятельности активных элементов» [19, с. 234—235]. Таким образом, теория управления создает научную основу, объясняющую возможность участия в управлении равноправных субъектов, каковыми являются стороны гражданско-правового договора.

Делегирование своих полномочий на основе односторонних сделок возможно, например, путем выдачи оператору доверенности.

Проанализировав основные точки зрения по научному концепту «управление», обнаружив междисциплинарный потенциал у данного образования, считаем возможным предложить авторское определение управления в гражданском праве: управление — это основанный на нормах гражданского права, договоре, односторонней сделке, решении собрания процесс целенаправленного воздействия наделенного полномочиями субъекта гражданского права (субъекта управления) на имущество либо деятельность участников гражданских правоотношений (объект управления) для достижения экономических либо неимущественных выгод участников гражданского оборота.

Данная дефиниция основана на общем понятии управления [20, с. 87], но в то же время отражает следующую специфику управления в гражданском праве. Во-первых, оно основано на юридическом равенстве сторон. Во-вторых, целью управления является достижение экономических либо неимущественных выгод участников гражданского оборота. В-третьих, в качестве субъекта управления выступает субъект гражданского права. В-четвертых, объектом управления выступает имущество либо деятельность субъектов гражданского права. В-пятых, правовыми средствами, которые позволяют наделить субъекта управления полномочиями на совершение управляющих воздействий, являются норма права, договор, односторонняя сделка, решение собрания.

Библиографический список

1. Харитонова Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011.
2. Егорова М.А. Соотношение категорий «регулирование» и «управление» в гражданско-правовых отношениях // Юрист. 2014. № 9. С. 18–24.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 2004.
4. Разуваев Н.В. Специфика государственной власти как основа типологической характеристики античного государства // История государства и права. 2007. № 23. С. 27–30.
5. Братусь Д., Турбеков С. Коллективное управление правами. URL: <http://journal.zakon.kz/203775-kollektivnoe-upravlenie.html>
6. Колодуб Г.В. Система категорий гражданского права: общие положения о признаках и функциях // Вестник Саратовской государственной академии права. 2016. № 1 (108). С. 100–104.
7. Ананьева А.А. Методологические подходы к исследованию гражданско-правовых конструкций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 4 (30). С. 28–33.
8. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань, 2008.
9. Определение Верховного Суда РФ от 1 окт. 2014 г. по делу № 305-КГ14-1681. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=408155>
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003.
11. Андреев В.К. О займе, смежных договорах и банках // Экономика и жизнь. 1999. № 28. Приложение «Ваш партнер-консультант».
12. Толстой Ю.К. Из пережитого. СПб., 1999.

13. *Васильев В.В.* Структурные элементы системы гражданского права. Тверь, 2012.
14. *Коришунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011.
15. *Амангельды А.А.* Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
16. *Маршев В.И.* История управленческой мысли: учебник. М., 2005.
17. *Зборовский Г.Е., Костина Н.Б.* Социология управления: учебное пособие. М., 2007.
18. *Назмутдинов В.Я., Яруллин И.Ф.* Управленческая деятельность и менеджмент в системе образования личности. Казань, 2013.
19. *Волкова В.Н., Денисов А.А.* Основы теории систем и системного анализа: учебник. СПб., 2001.
20. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.

К.М. Lobzov, Yu.M. Smirnova
The Concept of "Contact"
in the Theory and Practice
of Investigative Activities

An authorial approach to the interpretation of concepts such as "contact", "investigative contact" and "psychological contact" is proposed. Categories of investigation participants, i.e. agents, trust-based investigative contact (trustees), investigative contact, as well as investigative, investigative-technical and technical stuff are analyzed. The concept of "psychological contact" as a phenomenon of interpersonal mental interaction is clarified.

Key words and word-combinations: contact, investigative activities, investigative contact, psychological contact, investigative activities psychology, intelligence activities.

Предложен авторский подход к трактовке таких понятий, как «контакт», «оперативный контакт» и «психологический контакт». Анализируются категории лиц, участвующих в ОРД: агенты, доверительный оперативный контакт (или доверенные лица), оперативный контакт; оперативный, оперативно-технический и технический состав. Уточнено содержание понятия «психологический контакт» как феномена межличностного психического взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: контакт, оперативно-розыскная деятельность, оперативный контакт, психологический контакт, психология ОРД, разведывательная деятельность.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

К.М. Лобзов, Ю.М. Смирнова

ПОНЯТИЕ «КОНТАКТ»
В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основу любой теории составляет, как известно, ее понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого она описывает предмет своего научного исследования. Не являются исключением и теория оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а также психология ОРД (или оперативная психология). Вместе с тем следует признать, что до настоящего времени отдельные имеющиеся понятия остались без должного научного осмысления, сохраняя в себе содержательные противоречия, которые препятствуют дальнейшему совершенствованию как теории ОРД, так и оперативной психологии. К ним авторы относят, в частности, такие понятия, как «контакт», «оперативный контакт» и «психологический контакт». Центральное место среди них занимает понятие «опера-